

Марина БУВАЙЛО

Марина Бувайло родилась в Баку. По образованию врач. С 1981 года живет в Лондоне, где работает психиатром. Публиковалась в журналах «Знамя», «Новый мир», «Звезда» и др. Автор книг «Эх, дороги» (М.: НЛО, 2006), «Игры» (М.: НЛО, 2009), «С.П.У.М.С.» (М.: НЛО, 2011). В «Волге» публикуется с 2012 года.

РАССКАЗЫ

Пил он с трудом

Пил он с трудом, давясь и стараясь не вдыхать острый водочный запах – последствие вчерашней ночной посиделки с долгим разговором, от которого осталось удовлетворение интенсивной, насыщенной беседой, а подробности и прогрессия вспоминались с трудом. Говорили о важном, это он помнил. Бутылка водки, привезённая им, и хозяйская четвертинка закончились задолго до полуночи, продолжение разговора под взаимные кивки – ну, будем, – казалось необходимым.

Долгое брожение по посёлку, от одного сонного ларька до другого, под звёздным сквозным небом, под шуршание и хруст прошлогодней листвы, схваченной апрельским морозцем. Тление беседы во время прогулки поддерживалось отдельными словами, полужазами, хмыканьем. Разжившись спиртным, вернувшись в дом, продолжили легко.

От ночного питья осталась ещё бутылка только початая, почти полная, заботливо припасённая хозяином на опохмелку, но похмелье вот как раз и не снималось, водка, с усилием проглоченная, даже как бы и усиливала его.

Прошлой ночью им обоим казалось, что разговор можно продолжить и назавтра, но несколько часов тяжелого сна настроили обоих на, у каждого по-своему, необщительный, неразговорчивый лад.

Помочь обещал, остался, а что с него такого-то проку. Ехал бы уже, что ли.

Уехать бы, – думал гость с тоской, – но ведь помочь обещал. А чем – неизвестно. К тому же вчера вечером, когда водку брали, он неосмотрительно отдал все свои наличные деньги, крупную купюру, хозяину, сдачи сразу не требовал, так что на обратную дорогу надо было спрашивать, а он вон какой сидит мрачный, да и показать собирался важное что-то.

Голова не просветлялась, оставалась чугуновой, внутренняя дрожь и тошнота не проходили. Палёная водка, – с тоской думал гость, поглядывая на хозяина, который, резко закидывая голову, выпивал, резал аккуратными крупными ломтями, держа на весу, хлеб в хлебницу, колбасу на тарелку, так же аккуратно орудуя то ли охотничьим ножом, то ли финкой, четвертовал на дощечке лук и помидоры, деловито сооружал высокие бутерброды, наливал, закусывал, запивал крепким чаем, особого внимания на гостя своего не обращая, а если и обращал, то негативное, неодобрительное – даже похмелиться толком не может, алкоголик, не иначе, вон как его корёжит, но, говорят... проверим...

Ему-то что? он к такой привык, другую, наверно, только если кто привезёт, – думал сумрачный гость.

Тем временем водка, видимо, смягчила настрой хозяина и, закрыв пробкой почти пустую бутылку, он поднялся и велел: «Пошли, что ли!»

Гость неохотно пошёл за ним. «Ты наш разговор помнишь? Главное, в чём суть. Понял, что от тебя требуется? Доверие! Тут ведь дело по-шекспировски – to be or not to be! Быть этому или нет! Сдюжим или! понял?» Тупое гудение в голове и водочный комок,

поднимающийся по пищеводу до самого горла, лишали любопытства, и гость только кивнул в направлении удаляющейся тельняшки. «Ну, не отставай, – обернулся хозяин, – он рано встаёт, оголодал, небось, ждёт, привык в это время есть». «А чем ты его кормишь? мы ж ничего не несём. Что он ест?» – тупо, отстранённо забеспокоился гость, – чем он его кормит? «Сам кормится. Нашенской еды он не употребляет. Сейчас увидишь. Он неподалёку обитается, явится». Может, людей жрёт? Затем и тащит меня? Как корм. Добрались, через низкий покорёженный забор, через кукурузное неровное поле, хлюпающее болотце в низине, до опушки леса, до огромной мусорной кучи с торчащими сквозь неё хилыми деревцами. Точно, прикормил волка или ещё медведя, сейчас по голове шарахнет и отдаст на съедение, или так, живого, задерут. «Всё, дальше не пойду!» – собирая всю оставшуюся силу в голос, чтобы звучал твёрдо и уверенно, сказал гость. «Да куда дальше, пришли уже, не видишь?» – хозяин притормозил, но не остановился.

Мусорная куча, она мусорная и есть, топорщится пустыми пластиковыми бутылками, покорёженными плохим обращением, пузырится разноцветными пакетами меж всяким бумажным хламом и прочей гадостью. И воняет от таких куч всегда одинаково – гнилой селёдкой. От этой-то как раз и не пахло, тоже понятно, всю зиму под снегом, дождями промыло, и ещё подмораживало иногда. «Вот сейчас, туточки у меня схоронено», – хозяин опять перешёл на наигранно-простонародный язык, которым приветствовал приезжавших гостей и поддерживал до того, как смягчённая водкой потечёт беседа.

Собственно, приезжали к нему в такую даль, чтобы выпить и поговорить, так что раздражающая игра в простонародность и деревенскую корявость продолжалась ровно до третьей рюмки, после хозяйских скороговорок – под водочку-корочку, после первой и второй перерывчик небольшой – третью наливали уже неспешно, и начинался именно разговор. Привычные гости, то есть бывавшие не раз, знающие обычай посещений, всё же успевали на последнюю электричку или, протрезвев поутру, опохмелки избегали и торопились уехать, выучив, что хозяин становится деловито-сосредоточенным и неприветливым.

Обогнув свалку, они прошли ещё несколько шагов и остановились у холмика в форме крупной могилы, хозяин откуда-то из зарослей достал грязные мешки, развязал, распорядился: «Во, бери, да не вилы, лопату бери, сподручней тебе, легшее ворочать, давай, о-от суда откидывай», – и ткнул через плечо большим пальцем. С трудом сообразив, что «о-от суда» значило «вот сюда», гость продолжал стоять, опираясь на лопату, что откидывать? Как и раньше, за завтраком, игнорируя не врубающегося в порядок, хозяин схватил вилы и как граблями стал сгребать ветки, листья, мусор, нанесенный ветром. Гость покорно стал перекидывать это добро поближе к куче. Чего мы тут? Сейчас он меня этими вилами в бок и волку скормит, а то и вообще... вчера ж мы говорили о примитивном сознании, мифах, об абсолютном хаосе, деконструкции как форме созидания, об энтропии, о ритуальных убийствах тоже вроде говорили, – словно предметы на дне сквозь колышущуюся воду, вчерашний разговор проникал в память, обретал зыбкую форму. Сейчас – вилами, не дамся, убегу, хотя он быстрее меня бежит, и куда мне бежать, без портфеля, без денег, может самому, пока он так, спиной, садануть по голове лопатой, ключи, деньги из карманов, портфель заберу и на электричку. О покаянии тоже говорили, что... ох, неспроста говорили, сейчас развернётся и в живот, острыми... первому надо, по голове! и бежать... «Вишь, задумка-то какая, сам понимаешь, секрет это до поры до времени, рассказываю не потому, что доверяю, а...» – потому что сейчас убьёт вместе с секретами, пока говорит, не нападёт, и я не смогу, лицом к лицу страшно, – «...потому, что сам по себе, сам по себе ты, думаю, звёзд с неба... – он опять вернулся к своему натуральному языку преподавателя университета, – но в современном

обеспечении разбираешься лучше – отстали мы от кибернетики, или как это теперь, хотя во многих отношениях продвинулись так, что никому не снилось – однако...» Открылась деревянная крышка, как у погреба. «Здесь в войну окопы были, землянки, – не очень, но мы приспособились. Они, в Кремниевой, тоже не с дворцов начинали. Так вот, понимаешь, здесь, вот у этой сосны мы вроде наладили, вроде ловит даже сейчас. С декабря вниз не наведывались, обходились, теоретические разработки, то, сё, и всё такое, холода он не любит, ты лопатой-то не размахивай пока, пока послушай, прислушайся». Ветер подвывал, звенело в ушах с перепою. «Где ж шляется? Ты, главное, на него не пялься, не любит он такого, понял? Искоса смотри, с пониманием. Тут не просто открытие, тут Нобелевкой пахнет, прислушайся! из недр, прямо из центра, а то и из Австралии...» Забалтывает, отвлекает. А в яме зверь голодный. Где-то рядом за буреломом треснуло и захрустело. «Тьфу-ты, напрямки ломится, хрен теперь услышишь! Ты, главное, энто, кады пытатъ тебя начнёт, говори... эй, ты! куды побёх-то?»

Из леса, ломая кусты, вылез, в пиджаке и сломанных, с одной дужкой, круглых очках, с кривоватой бородкой, чеховского, в общем, вида, человек лет двадцати пяти-тридцати, явный интеллигент. На нём висели компьютерная сумка, рюкзак и мешок через плечо, в руке чайник и пакет, сквозь который обозначались предметы округлые и угловатые. «Ну, ты энто... А программист твой где? Ты же эсэмэску послал, что ведёшь?» – «Сбежал! Алкоголиком оказался, хотя хвалили его. Трясся весь, даже лопата ходуном ходила». На пеньке закусили – хлебцами ржаными с сыром виола, похрустели морковкой, запили тепловатым зелёным чаем из чайника. «Ты рассказал ему, с чего начинали? без миллионов, мозгами только... мы... Потому что мы, Эйнштейн и Билл Гейтс, мы все аутисты, без нас...» – «Ты, давай, помоги крышку отвалить. В лаборатории договорим».

В электричке тётки с корзинками с неодобрением косились на взъерошенного, перегаром разящего, в грязных ботинках, брюках, измазанных глиной – ишь, а ещё в галстуке. Но ему было наплевать, он спасся.

В начале августа бригада таджиков, или не таджиков, а просто каких-то людей, посланных убрать лес, загаженный дачниками до такой степени, что ветер с его стороны засыпал мусором железнодорожные пути до непроезжего состояния, набрали на странную поляну с дырой посредине. Над ней воздушными змеями парили обрывки бумаг, иностранных газет, пластиковые пакеты и, уцепившись за сосны, реяли над горами серого песка по краям ямы. Как дирижабли плавали между деревьями бутылки, консервные банки. Время от времени над выемкой, словно где-то в небе включался невидимый пылесос, начинали крутиться вихри, смерчи. Рабочие почесали затылки и тихо ушли.

Терапия

Что Матвева стала помирать, первой догадалась сноха Вера по тому, что перестала Матвева ругаться. Не то чтоб она была большой матерщинницей, были здесь матерщинники и покруче, да без мата могла приложить так, что мало не покажется. А тут день прошёл, и другой, уже неделя почти, и месяц целый без крика, без ругани. С постели встаёт, и курам насыплет, и козу подоит, и в печке погремит, но тихо, без жизненного задору. Есть ела, но тоже не как всегда, в спешке, с аппетитом, прямо проскакивала пища в неё сама, хрустела, хлюпала, а тут кашу в рот положит и жуёт-жуёт, будто мясо непроваренное, чего тут жевать кашу-то. Лёшка пьяный пришёл, Вера хотела по привычке, от скандала подальше, в постель его запихать, чтоб мать видом пьяным не заводил, но, подумав, остановилась и сама даже начала – ишь, какой припёрся, где гулял? на какие деньги? А Матвева, будто чужая, не касается, прошла и перед телевизором

уселась, хотя видеть там нечего было, за мячом мужики бегали. И внука Витьку с дивана не турнула, чтобы без дела на экран не таращился, когда опять двоек нахватал. Посмотрела на такое Вера, посмотрела, и в медпункт позвонила. Приехали быстро, прям через день-другой, потому что понятно, зря звать не будут – не городские. Сама врачиха приехала на новенькой, уже разболтанной по кривым дорогам машине и привезла всю свою медицину, что полагается, трубку, чтоб грудь слушать, и аппарат для давления, железки палец колоть и какие-то баночки.

Спрашивает, больная Ничипоренко, на что жалуетесь?

Матвева ей, не больная я, ничо не болит. Тоскую я.

Врачиха спорить не стала, велела кофту задрать, юбку спустить, послушала, постукала, живот помяла, палец проколола, банку дала по малой нужде сходить, чё-то поколдовала-поразглядывала, и Веру спрашивает, вы врача вызывали?

Я, говорит Вера, а что с ней?

Да то-то и дело, что ничего найти не могу, и сахар, и лёгкие, и сердце, и давление в пределах по возрасту её.

Нет, говорит Вера, ищите дальше, болеет она, это точно. Сама не своя, ходит, не ругается, глаза вон как у рыбы снулой, юбку поясом подвязывать стала, схудала так.

Ну, говорит врачиха, в больницу надо, кровь, рентген, хирургу показать. Я ж тоже насквозь не вижу. На обратном пути заеду, как раз и отвезу.

Тут Матвева и показала себя, не поеду в больницу, дома буду. Но тоже, не криком с руганью доказывая, как всегда-обычно, а тихо, да твёрдо, не поеду.

Ну и пошло так, совсем умирать не умирает, а в себя не приходит. Что положено сделает и сидит как дурочка, то в потолок, в то пол смотрит, и губами шевелит, будто говорит с кем, говорит не по-своему, а хорошо так говорит, будто с цыплятами. Вера нарочно подружку её из Хронова привезла, Лёшку послала, ехай, велела, вези, мать спасать надо. Толькева приехала, Вера им накрыла на светлой половине, бутылку достала, щей мясных да картошки с грибочками, капустки квашеной, по рюмкам разлила, детей по друзьям гулять отправила, а сама вид делает, что другим занята, у печки хозяйничает, но прислушивается, на что Матвева жалиться станет, может хоть обругает кого. Матвева как положено рюмку к губам поднесла, да только пригубила, капустку пососала, вилку с картошкой надетой подержала.

Толькева спрашивает, чем обижают-то тебя? Лёшка вроде жалеет, Верка тож. Что ль, на людях лишь, что ль? Или малые неслухи? Ты в себе-то не держи, ругай, а то сомневаются, что тебе не так.

Эх, говорит Матвева, коли обижали бы, так понятно, зло бы брало, а меня тоска взяла, вот ты, Толькева, скажи, ходит он, Толька, к тебе? Докучает?

Ну, Толькева говорит, иной раз бывает. Проснись под утро, а снился, что проклятый к Нинке пошёл, иль у ларька пьяный валяется, иль вроде как убила его за это, а что делать не знаю, закопать или свиньям скормить. Проснись, и так на душе муторно, не сказать, а потом развеется и забудется.

Вот-вот, говорит Матвева, это-то забудется развеется, ты, Толькева, наливай себе, на меня не гляди, кусок-глоток поперек горла становится.

Штош-то я одна-то пить стану, как пьянь подзаборная, ты уж компанию поддержи. Ну вот. Оно и полегше станет, хороша беленькая, покупная, не самогонка, вишь, балуют тебя. Ну, и с чего ты тоскуешь?

Ох, и самой не растолковать, Матвей-то мой совсем сдурел. К себе зовёт, говорит ласково так, не как раньше, мотом да по-всякому.

Ишь, проклятый! Гони его, Матвева! Мало ли ты горюшка с им мыкала? Не один Толька, небось, к Нинке ходил. Ну и приложи его, как раньше, чтоб отвязался. Тебя что учить?

Раньше-то я его перед собой какой был видела, морда красная, в щетине да в мазуте весь, самогонкой воняет, а теперь благостный, отмытый, как из бани, а тверёзый.

Ласковый такой и зовёт к себе, жизнь райскую обещает.

Ой, Матвева, беда с тобой! Надо б в город, в церкву съездить, да далёко. И как там делать-просить не знаешь. Городские шипят, здесь не стой, туда не лезь. В церкву-то зазря не наездишься, за столько-то вёрст-километров. Пока поп Сергей жив был, придет когда, с ним помолишься, а потом вовсе разучились. А теперь дело другое, говорит Толькева, дело теперь другое. Самим справиться надо. Давай ещё выпьем по чутку и пойдём.

Куда это пойдём? говорит Матвева.

И Вера, из-за печки подслушивающая, всполошилась, куда это ты её на ночь глядя тащишь, не молодые по тёмну шлёндрать.

Ты, девка, молчи, за Лёхой своим следи, к нам в Хроново нече ему зазря наведываться, баб и самогону там побольше вашего. Пошли, Матвева!

Матвева, хоть никому спуску не давала, Толькеву слушалась с ещё когда они Любкой с Валькой были. Валька-то постарше да поопытней была.

Одевайся теплей, бери вилы и топор, приказала.

Это-то на кой?

Бери, говорю, от паразитов обороняться. Ты телек-то смотришь? Забыла название им, вроде зойки какие-то. Спрошу опосля у Митьки.

Не смотрю, когда мне смотреть. В голове-то другое. Куда идём-то?

Это ты думаешь, Матвей, а он в прищеца оборотился. Нечистая сила, бес. Искушает, дескать рай на том свете, а сам-то небось на сковороде скворчит. Его-то отпевали или так обошлись?

Отпевали, вроде. Лёшка его из больницы забирал, говорил, всё порядком сделали, вроде там свой поп, или из города привозят. От Лёшки-то лешего чего добьёшься. Да я и не вникала. Как сказали, Матвея его ж трактор придавил, так зло такое меня взяло, пьянь проклятая.

Где могила его? найдёшь? Не видать ничего. Был бы фонарь...

Фонарь-то есть, батарейков к нему нету, сели все. В посёлок надо, а я ослабла, не дойти. Так найду, глаза приглядятся и найду, вон берёза виднеется, а он за ей. А коли бес Матвеем обернулся, дак ухватит нас и утянет?

Дак мы его вилами. И ругай его покрепче, а то ты, Матвева, больно тиха стала.

С тобой-то я повеселела, как в былую пору, а то совсем. Думаю, час пришёл, раз Матвея за мной присылают.

Бес он, а не Матвей, зонби! Во! Вспомнила без Митьки, зонби! Берёзка рядом, счас мы с ней сук срубим да в могилку вобьём. Осину где в ночи искать, и глушина сойдёт. Да ты топором-то потише маши, нас порубишь. Хорошо дожди прошли, земля отмякла. Так поглубже и вколачивай. Всё, больше шлаться не станет, заворачается, а в его кол воткнётся. Давай складай оружие. Счас на ветки под берёзку присядем. Гляди, я из дома пузырёк привезла, Семкова варила.

Совсем уж в ночи нашли их Витька с дружкой. Вера-то с Лёшкой в другой стороне бегали. Бабки сидели под деревом и тоненько так пели «каким ты был, таким остался...»